

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В
РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Султонова Зулхумор Сабатуллаевна,

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института;*

Мухаммадова Гуласал Мехриддиновна,

студентка 1 курса факультета языков

Самаркандского государственного педагогического института.

АННОТАЦИЯ. Настоящее исследование посвящено сопоставительному анализу падежных систем русского и узбекского языков, принадлежащих к различным типологическим классам — флективному (синтетическому) и агглютинативному соответственно. В работе рассматриваются структурные и функциональные расхождения в организации падежного маркирования, обусловленные фундаментальными различиями в грамматическом строе данных языков. Особое внимание уделяется явлениям межъязыковой интерференции, возникающим при освоении русской падежной системы носителями узбекского языка: смешению предложно-падежных конструкций, трудностям в различении одушевленности неодушевленности, неразличению сходных по семантике падежей. На материале функционально-семантического подхода выявляются зоны потенциальных ошибок и предлагаются направления для оптимизации лингводидактических стратегий. Исследование опирается на труды отечественных и зарубежных лингвистов в области типологии, сравнительной грамматики и теории языковых контактов.

ABSTRACT. This study presents a comparative analysis of the case systems in Russian and Uzbek languages, which belong to different typological classes — flexive (synthetic) and agglutinative respectively. The paper examines structural and functional divergences in case marking organization conditioned by fundamental

differences in the grammatical structure of these languages. Special attention is paid to phenomena of interlinguistic interference arising when native Uzbek speakers acquire the Russian case system: confusion of prepositional-case constructions, difficulties in distinguishing animacy/inanimacy, and failure to differentiate semantically similar cases. Drawing on a functional-semantic approach, potential error zones are identified, and directions for optimizing linguodidactic strategies are proposed. The research is based on works of domestic and foreign linguists in the fields of typology, comparative grammar, and language contact theory.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *надежная система, русский язык, узбекский язык, флективность, агглютинация, интерференция, предложно-надежные конструкции, сопоставительная типология.*

KEYWORDS: *case system, Russian language, Uzbek language, flexivity, agglutination, interference, prepositional-case constructions, comparative typology.*

Проблема сопоставительного изучения языков, принадлежащих к различным типологическим классам, неизменно привлекает внимание исследователей, стремящихся проникнуть в глубинные механизмы человеческого языка, выходя за пределы описания отдельно взятой лингвистической системы. В фокусе данного исследования находится одна из центральных грамматических категорий — категория падежа, рассматриваемая в двух контрастных системах: русском языке, представляющем флективный (синтетический) строй, и узбекском языке, относящемся к агглютинативным языкам тюркской группы. Обращение к данной теме продиктовано не только академическим интересом к типологическому разнообразию языков мира, но и сугубо практическими задачами, возникающими в процессе преподавания русского языка как неродного, а также в теории и практике перевода. Каждый язык вырабатывает уникальный инструментарий для выражения тех синтаксических и семантических отношений, которые в европейской лингвистической традиции принято называть падежными. Сама идея «падежа» как грамматической категории, восходящая к античной грамматической традиции — от греческого

«ptosis» (падение), осмысленная как «отклонение» от основной, именительной формы, — не является универсальной и по-разному реализуется в различных языковых системах . Если в русском языке падеж представляет собой флективную категорию, где окончание (флексия) одновременно выражает комплекс грамматических значений (падеж, число, а для единственного числа — и род), то в узбекском языке падеж маркируется посредством агглютинативных суффиксов, каждый из которых обладает, как правило, единым грамматическим значением и последовательно «приклеивается» к неизменяемой основе слова. Это фундаментальное различие в морфологической технике порождает целый спектр структурных и функциональных расхождений, которые и будут рассмотрены в данной работе.

Начать следует с констатации самого очевидного факта: различного количества падежей в сопоставляемых языках. Традиционная русистика, следуя академической традиции, насчитывает в системе русского языка шесть падежей (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный), при этом дискуссии о существовании «партитивного» (второго родительного) или «местного» (второго предложного) падежей продолжаются, но не отменяют базовой шестичленной структуры как дидактической и описательной нормы.¹ Узбекский язык, согласно описаниям его грамматического строя, также располагает шестью падежами: основной (именительный), родительный, дательный, винительный, местный и исходный . На первый взгляд, количественное совпадение может создать иллюзию структурной близости, однако за этим числовым сходством скрываются кардинально различные принципы организации падежной парадигмы. Основной падеж в узбекском языке (*bosh kelishik*) не имеет аффиксального показателя и соответствует русскому именительному, выполняя прежде всего номинативную и субъектную функции. Родительный падеж (*qaratqich kelishigi*) маркируется аффиксами «-ning» после звонких

¹ Русская грамматика: В 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — С. 483–485.

согласных и гласных или «-ing» после глухих согласных, что соответствует в русском языке атрибутивным отношениям и отношениям принадлежности. Дательный (jo‘nalish kelishigi) оформляется аффиксами «-ga» или «-ka» (в зависимости от фонетического окружения) и выражает направление действия, адресата или цель. Винительный (tushum kelishigi) маркируется аффиксами «-ni» и указывает на прямой объект действия. Местный падеж (o‘rin-payt kelishigi) с аффиксами «-da» выражает место или время действия, в то время как исходный падеж (chiqish kelishigi) с аффиксами «-dan» передает значение исходного пункта движения, отправной точки действия или материал, из которого что-либо изготовлено.²

Сравнение этих двух систем, казалось бы, демонстрирует заметную степень изоморфизма: каждому русскому падежу можно поставить в соответствие определенный узбекский падеж. Однако такой поверхностный взгляд был бы глубоко ошибочным, ибо он игнорирует фундаментальные различия в способах выражения падежных отношений, в объеме семантики каждого падежа, а также в синтаксических условиях употребления падежных форм. Как справедливо отмечается в работах по сопоставительной типологии, количественное сходство падежей не должно вводить в заблуждение относительно качественного своеобразия каждой системы. Русский язык, будучи языком флективным, использует флексию (окончание) как носитель комплекса грамматических значений. При склонении существительного изменяется не только падеж, но и число, а в единственном числе — род. Флексия в русском языке омонимична и полифункциональна: одно и то же окончание «-а» в форме «стена» указывает на именительный падеж единственного числа женского рода, а в форме «стены» — уже на родительный падеж единственного числа или именительный/винительный падеж множественного числа. Эта полифункциональность создает значительные

² Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка. — М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. — С. 112–119; Рахматуллаев Ш. Грамматика современного узбекского языка: Морфология. — Ташкент: Университет, 2005. — С. 64–72.

трудности для носителей агглютинативных языков, в том числе узбекского, поскольку в их родном языке каждый аффикс имеет одно значение и строго закрепленное место в словоформе. Узбекский язык последовательно реализует принцип агглютинации: к неизменяемой основе существительного присоединяются суффиксы в строго определенном порядке: сначала суффикс числа (если требуется), затем суффикс принадлежности (если необходимо выразить обладателя), и, наконец, падежный суффикс. Например, форма «укамга» (моему младшему брату) членится на корень «ука» (младший брат), аффикс принадлежности 1-го лица «м» и аффикс дательного падежа «га». Каждый морфемный шов прозрачен и однозначен. В русском же языке эквивалентная форма («брату») представляет собой синкретичную единицу, где окончание «-у» одновременно сигнализирует и о дательном падеже, и о единственном числе, и о мужском роде (а также об определенной парадигме склонения).

Из этих структурных различий проистекают и функциональные: падежные системы двух языков распределяют семантическое пространство по-разному. Особенно наглядно это проявляется при анализе предложно-падежных конструкций русского языка, не имеющих прямых соответствий в узбекском. Поскольку в узбекском языке как самостоятельном классе слов предлоги отсутствуют, пространственные, временные, причинные и другие отношения выражаются либо падежными формами (что было показано выше), либо послелогоми, либо аналитическими конструкциями. Так, русские предложные конструкции с предлогами «в», «на», «о», «при», «через», «без», «для», «у» и многими другими требуют употребления определенных падежей и передают тонкие нюансы пространственной локализации, временных отношений, образа действия, цели, причины. В узбекском языке эти значения могут передаваться местным падежом («-da» соответствует русским «в» и «на» при ответе на вопрос «где?»), исходным падежом («-dan» может соответствовать комбинации предлога «из» с родительным падежом), дательным падежом (выражающим направление без аналога предлогов «в» и

«на») или сочетанием имени существительного с послелогом, таким как «uchun» (для, ради), «haqida» (о, об), «bilan» (с), «sari» (к, по направлению к). Например, русской фразе «Он говорит о книге» соответствует узбекская конструкция «U kitob haqida gapiryapti», где значение «о» передается послелогом «haqida», а падежное маркирование имени при этом отсутствует (книга стоит в основном падеже). Русское предложение «Я иду к другу» будет передано узбекской формой «Do'stinga ketyarman» (дословно: «друг-мой-направление иду»), где отношения направления выражаются исключительно дательным падежом без какого-либо аналога предлога «к». Русская конструкция «Мы поехали за город» использует сложное сочетание предлога «за» с творительным падежом для выражения направления движения за пределы чего-либо; в узбекском языке это значение может быть передано исходным падежом («Shahardan tashqariga ketdik» — буквально: «из города наружу поехали») или описательным оборотом.

Однако наиболее существенные различия между двумя падежными системами лежат не столько в области инвентаря форм (хотя и здесь расхождения значительны), сколько в области синтаксических связей, которые эти формы обслуживают. Здесь мы выходим на ключевое различие между двумя языками: наличие или почти полное отсутствие грамматического согласования. Русский язык в этом отношении является классическим представителем синтетического строя с развитой системой согласования: прилагательное, причастие, порядковое числительное, местоимение-прилагательное согласуются с существительным в роде, числе и падеже.³ Связь согласования является доминирующей в атрибутивных словосочетаниях русского языка. Это означает, что если существительное стоит, скажем, в форме родительного падежа единственного числа женского рода, то зависимое от него прилагательное обязательно примет форму родительного падежа единственного числа женского рода: «у красивой девушки». Окончание

³ Русская грамматика: В 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — С. 483–485, 531–534.

прилагательного «-ой» — это такой же маркер комплекса грамматических значений (родительный падеж, единственное число, женский род), как и окончание существительного «-и» в той же словоформе. Более того, в русском языке наличествует и предикативное согласование (координация): глагол-сказуемое согласуется с подлежащим в лице и числе, а в прошедшем времени — и в роде. Узбекский язык, напротив, демонстрирует иную картину. Согласование в этом языке либо редуцировано, либо отсутствует вовсе. Категория грамматического рода в узбекском языке отсутствует, что является характерной чертой тюркских языков. Это первое и весьма существенное расхождение: прилагательные в узбекском языке, выступая в роли определения, не изменяются. Они всегда стоят в своей базовой, неизменяемой форме, независимо от падежа, числа и принадлежности определяемого существительного. Ср. русское словосочетание «высокий дом — высокого дома — высокому дому» и узбекское «baland uy — baland uyning — baland uuga». В узбекской конструкции определение «baland» остается неизменным. Эта особенность, по справедливому замечанию исследователей, является одним из главных источников интерференции: носитель узбекского языка, приступая к изучению русского языка, склонен переносить на русский материал привычную модель неизменяемого определения, что порождает ошибки типа «красивый девушка» вместо «красивая девушка» или «у высокий дома» вместо «у высокого дома».

Более того, у носителя узбекского языка отсутствует «чутье» на категорию рода, поскольку в родном языке эта категория отсутствует. Поэтому овладение русской категорией рода, которая органически связана с падежной системой (окончания, указывающие на род, одновременно являются и показателями падежа), представляет собой одну из сложнейших задач. Учащиеся-узбеки могут долго смешивать мужской, женский и средний род, перенося на русские существительные модель «бесполого» языка. Например, они могут сказать «мой книга» вместо «моя книга» или «большой окно» вместо

«большое окно», путая окончания именительного падежа, которые на самом деле сигнализируют и о роде, и о числе, и о типе склонения.

Следующим важнейшим аспектом является характер выражения посессивности (принадлежности) в двух языках. В русском языке отношения принадлежности выражаются, как правило, конструкцией с родительным падежом лица-обладателя: «книга брата», «машина отца». Существует также группа притяжательных прилагательных («отцовская машина», «мамина книга»), но они не являются доминирующими. В узбекском языке посессивные отношения выражаются совершенно иной конструкцией, известной в тюркологии как изафетная конструкция (или «изофет» — от арабского «добавление»). Эта конструкция включает определяемый компонент (обладаемое) и определяющий (обладателя), причем определяемый компонент принимает особый аффикс принадлежности, который согласуется с определяющим компонентом в лице. Простейшая форма изафета (первый тип) строится по схеме «обладатель + обладаемое + аффикс принадлежности 3-го лица». Например, «otaning kitobi» — это соответствует русской конструкции «книга отца», но буквально переводится как «отец-родительный падеж книга-аффикс 3-го лица» (дословно: «отца книга его»). Более сложные типы изафета включают также притяжательные местоимения, которые могут редуцироваться, когда аффикс принадлежности на обладаемом сам выполняет функцию указания на обладателя: форма «kitobim» означает «моя книга» (дословно «книга-моя»), без использования отдельного слова «мой». Эта принципиально иная логика выражения принадлежности порождает у носителей узбекского языка ошибки типа «книга брата его», когда учащийся калькирует изафетную конструкцию и добавляет лишнее местоимение, либо, наоборот, пропускает родительный падеж обладателя, говоря «брат книга».

Приведенные примеры показывают, что зона интерференции между двумя падежными системами чрезвычайно обширна и включает не только правила формообразования (как правильно поставить существительное в тот или иной падеж), но и правила управления — то есть, какие падежи требуются

после определенных глаголов, предлогов, имен. Здесь уместно обратиться к понятию «грамматическая интерференция» — процессу, когда правила одного языка (в данном случае узбекского) оказывают деструктивное влияние на усвоение правил другого языка (русского). Как отмечают специалисты в области функциональной грамматики, несовпадение падежных функций — один из наиболее мощных факторов, провоцирующих стойкие ошибки в речи. Рассмотрим несколько конкретных зон интерференции, наиболее релевантных для носителей узбекского языка.

Первая, и, пожалуй, самая обширная зона — это употребление предлогов и предложно-падежных конструкций. Поскольку в узбекском языке отсутствует класс предлогов как служебных слов, учащиеся склонны или опускать предлоги («Иду Москва» вместо «Иду в Москву»), или использовать их недифференцированно («На чем ты ехал? — Я ехал на поезде», что верно, но могут возникнуть ошибки с другими глаголами). Особую сложность представляют те случаи, когда русский предлог многозначен и употребляется с разными падежами (например, предлог «по» с дательным падежом, реже с винительным и предложным). Узбекский язык может использовать в этих значениях разные конструкции: дательный падеж («-ga») для выражения движения по поверхности («ходить по полу» — «rolga yurmoq»), местный падеж («-da») для выражения области деятельности («специалист по языку» — «til bo‘yicha mutaxassis», где «bo‘yicha» — послелог), исходный падеж («-dan») для выражения причины («по ошибке» — «xato tufayli» или «adashib qolib»). Иными словами, один русский предлог распадается на несколько узбекских эквивалентов, и наоборот — несколько русских предлогов могут передаваться одним узбекским падежом.

Вторая зона — это винительный падеж прямого объекта и различение одушевленности/неодушевленности. В русском языке, как известно, форма винительного падежа совпадает с родительным для одушевленных существительных мужского рода и для всех одушевленных существительных во множественном числе: «вижу брата» (как родительный падеж «нет брата»),

но «вижу дом» (как именительный падеж «дом»). В узбекском языке винительный падеж имеет свой аффикс «-ni», который присоединяется к существительным независимо от их одушевленности: «ukani ko‘raman» (вижу брата), «uuga qarauman» (смотрю на дом). Узбекский учащийся не привык к тому, что форма прямого объекта должна различаться в зависимости от того, является ли объект человеком, животным или неодушевленным предметом. Поэтому он может сказать «Я вижу сестра» (не меняя формы), тогда как правильная форма «вижу сестру» требует изменения окончания. С другой стороны, он может спутать винительный и родительный падежи в отрицательных конструкциях («У меня нет книгу» вместо «У меня нет книги»), поскольку в узбекском языке отрицание существования («yo‘q») не требует падежного изменения объекта (объект остается в основном падеже). Например, «Mening kitobim yo‘q» буквально означает «Моя книга нет», где «kitob» стоит в основном падеже. Перенос этой модели на русский язык дает «У меня нет книга».

Третья зона, тесно связанная с предыдущей, — это употребление родительного падежа. Русский родительный падеж — один из самых многозначных: он выражает и собственно атрибутивные отношения (принадлежность: «дом брата»), и количественно-отделительные отношения («кусочек хлеба», «много воды»), и объектные отношения при некоторых глаголах («бояться темноты», «добиться успеха»), и отношения отсутствия («нет времени»), и даты («пятого мая»). В узбекском языке эти значения распределены между несколькими падежами и конструкциями: родительный («-ning») используется преимущественно для атрибутивных отношений (в составе изафета); основной падеж (с частицами или без них) — для количественных конструкций («бир parcha non» — кусочек хлеба, «ko‘p suv» — много воды); исходный падеж («-dan») может использоваться для выражения сравнительных и некоторых объектных отношений. Учащийся, желая сказать «кусочек хлеба», может построить конструкцию с родительным падежом по аналогии с русским, но в узбекском языке это будет звучать неграмотно.

Наоборот, при изучении русского языка носитель узбекского языка может избегать родительного падежа там, где он необходим, или, наоборот, использовать его избыточно, по аналогии с узбекским родительным.

Четвертая, менее очевидная, но очень важная зона — это предложный падеж. В русском языке предложный падеж употребляется только с предлогами (в, на, о, при, по — второе значение). В узбекском языке нет падежа, который бы употреблялся только с послелогами. Местный падеж («-da») свободно употребляется без послелогов для выражения места и времени. Учащийся может долго не осознавать, что в русском языке после предлога «о» («об», «обо») обязательно следует предложный падеж, а после предлога «в» («во») — либо предложный (если речь о месте), либо винительный (если речь о направлении). Смешение этих конструкций — одна из самых частотных ошибок. Например, вместо правильного «думать о школе» учащийся может сказать «думать на школу» (калькируя узбекское «maktab haqida o‘ylamoq», где «haqida» — послелог, не имеющий точного падежного эквивалента), или «жить в городе» вместо «жить на Урале» (поскольку узбекский местный падеж не различает «в» и «на» так же, как русский).

На более глубоком, синтаксическом уровне, различия между падежными системами проявляются и в структуре словосочетаний. В русском языке доминирует связь согласования, особенно явная в атрибутивных группах «прилагательное + существительное». ⁴ В узбекском языке, как уже говорилось, определения не согласуются, а примыкают к определяемому слову. Это различие имеет далеко идущие последствия. При построении развернутых атрибутивных групп (например, в оборотах с несколькими определениями) носитель узбекского языка может испытывать серьезные трудности, поскольку ему приходится отслеживать, в каком роде, числе и падеже стоит определяемое существительное, и последовательно изменять по этим категориям все зависимые от него слова. В узбекском же языке

⁴ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1986. — С. 171–175.

прилагательные остаются неизменными, что значительно упрощает построение такой группы. Сравним: «красивая старая деревянная дача» (где каждое слово изменяется по падежам: родительный падеж — «красивой старой деревянной дачи») и узбекское «chiroyli eski yog‘och dacha» (где все прилагательные остаются неизменными: родительный падеж — «chiroyli eski yog‘och dachaning»). Узбекский учащийся будет склонен оставлять русские прилагательные в начальной форме, особенно если он говорит или пишет в условиях дефицита времени (в спонтанной речи).

К сказанному следует добавить, что в узбекском языке некоторые отношения, которые в русском языке выражаются падежными формами с предлогами или без них, могут передаваться специальными глагольными формами (деепричастиями) или аналитическими конструкциями. Например, значение цели, которое в русском языке часто выражается дательным падежом («помочь другу») или инфинитивом («пришел помочь»), в узбекском языке может передаваться формой деепричастия на «-ish» с послелогом «uchun» или специальной глагольной конструкцией. Эти расхождения в грамматическом «упаковывании» смысла также создают почву для интерференции.

Интересно также рассмотреть различия в употреблении падежей в предикативных конструкциях, то есть в конструкциях, выражающих отождествление, именованье, оценку. В русском языке существительное в составном именном сказуемом обычно стоит в именительном падеже (или творительном — в зависимости от времени и значения): «Он был учителем» (творительный), «Он учитель» (именительный). В узбекском языке существительное в этой функции всегда стоит в основном падеже, а связка (если она есть) может оформляться аффиксами сказуемости. Например, «U o‘qituvchi» (он учитель), «U o‘qituvchi edi» (он был учителем). Учащийся может переносить эту модель на русский язык и избегать творительного падежа в прошедшем времени и будущем времени, говоря «Он был учитель» вместо «Он был учителем». И наоборот, в настоящем времени он может по ошибке употребить творительный падеж, сказав «Он есть учителем» вместо «Он

учитель», что является калькой узбекской конструкции с эмфатической частицей.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что сопоставительный анализ падежных систем русского и узбекского языков со всей очевидностью демонстрирует их типологическую разнородность при кажущемся внешнем сходстве (шесть падежей в каждом языке). Русский язык представляет собой флективный строй с развитым синтетизмом, где падежная форма существительного теснейшим образом связана с категорией рода и числом, а согласование является основным типом синтаксической связи внутри словосочетания. Узбекский язык, будучи агглютинативным, демонстрирует последовательное «склеивание» однозначных аффиксов к неизменяемой основе; категория рода в нем отсутствует, а согласование редуцировано до минимума, уступая место примыканию и изафетным конструкциям. Эти фундаментальные различия обуславливают сложности в овладении русским языком как неродным для носителей узбекского языка, порождая устойчивую интерференцию на всех уровнях — от морфологии до синтаксиса.

Практическая значимость такого сопоставительного анализа не вызывает сомнений. Выявление зон интерференции — там, где правила узбекского языка вступают в конфликт с правилами русского, — позволяет прогнозировать типичные ошибки и разрабатывать эффективные стратегии их предупреждения и коррекции. При обучении русскому языку узбекоговорящих учащихся следует уделять особое внимание: 1) формированию навыка различения одушевленных и неодушевленных существительных и соответствующего изменения винительного падежа; 2) осознанному усвоению категории рода (особенно для тех существительных, род которых неочевиден) и согласованию с ними прилагательных, местоимений и глаголов в прошедшем времени; 3) овладению предложно-падежной системой, включая дифференциацию значений предлогов и их обязательных падежных партнеров; 4) пониманию различий между русскими падежами и их узбекскими эквивалентами (например, между родительным и исходным, между местным и

предложным); 5) преодолению тенденции к калькированию изафетных конструкций, избеганию избыточных личных местоимений в родительном падеже; 6) развитию навыка изменения определяющих слов (прилагательных, причастий, числительных) в зависимости от падежа, числа и рода определяемого существительного. Только при условии учета этих особенностей, при систематическом сопоставлении (на уроке — контрастивном анализе, на продвинутом этапе — проблемно-ориентированном обучении) можно добиться устойчивого и правильного употребления русских падежных форм носителями узбекского языка. Сопоставительная лингвистика предоставляет для этого теоретическую базу; задача практикующего педагога — перевести эти знания в плоскость эффективных методических решений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедов Ш. Узбекская грамматика. — Ташкент: Фан, 1995.
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектология. — Л.: Наука, 1996.
3. Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка. — М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960.
4. Рахматуллаев Ш. Грамматика современного узбекского языка: Морфология. — Ташкент: Университет, 2005.
5. Русская грамматика: В 2 т. — М.: Наука, 1980.
6. Хасанова У.К. Категория падежа в узбекском языке: Сравнительный аспект. Вестник филологии и педагогики, 2017, №3.